

ОПЫТ ЗАРУБЕЖНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

С.В. БИРЮКОВ

“Большие регионы” как новая управленческая модель и прообраз “Европы будущего”

Рассматриваются особенности развития демократии в условиях глобализирующегося пространства. Отмечается значение и роль регионов в формировании и организации межрегиональных сетей. Осуществляется анализ межрегиональных сетей как инструмента регионального развития, формирования “больших регионов”, “евроинтеграции” и демократизации.

Ключевые слова: глобализация, сети, “большие регионы”, региональное развитие, демократизация, евроинтеграция.

This article describes the problem of growing regions in the process of globalization and eurointegration given the analyze of regional target programs as a tool of region social development, building of “great regions”, eurointegration and democratization.

Keywords: globalization, networks, “great regions”, regional development, democratization, eurointegration.

Европейская регионализация в контексте поисков новых оснований демократии

В Европе продолжают дискуссии о необходимости “оживления” демократии с тем, чтобы последняя отвечала изменившимся общественным условиям. В современных обществах демократический контроль основывается на представительной системе правления, придающей демократическому управлению ярко выраженную элитистскую природу, даже если высший уровень принятия решений воплощается в форме ассамблеи или совета, члены которого избраны на свободных и демократических выборах. Недавняя дискуссия о демократии вращается вокруг теории репрезентативной демократии, ассоциативной демократии, демократии участия и “распределительной”, а также прямой демократии. Ни одна из этих концепций не рассматривается, тем не менее, как “панацея” в условиях развертывающихся кризисов участия, доверия и легитимности [Dahl, 2000]. Некоторые исследователи включают в рамки этого дискурсивного поля потребительскую демократию – концепцию, отражающую возрастающую коммерциализацию и индивидуализацию общества, но и она не признается универсальной [Self, 1994, p. 56].

Между тем присущие современному миру изменения настоятельно требуют обновленной концепции демократии [Keohane, 2001; Held, 2007]. Эта потребность связана в первую очередь с изменением традиционных ролей государства. Оставаясь ключевым инструментом организации актуального политического порядка [Keohane, 2002], государство утрачивает прежнюю политическую монополию в качестве особого “места”, конституционно установленной территории, в рамках которой осуществляются функции политического выбора, представительства интересов и легитимации, формируется культурная идентичность и ключевые политические институты. Институциональное устройство государств заметно усложняется с переносом “центра силы” “сверху” на уровень регионов, коммун и муниципальных образований, и “наверх” – на уровень “международных режимов”, а также “вовне” – в систему рынка и гражданского общества.

По большей части под “разгосударствлением” в данном случае понимается фактический отказ от признания черт государства, неразрывно связываемых с ним в политическом сознании Нового времени: единства народа, государства и территории. Только в рамках основанного на этих принципах суверенного государства могла в соответствии с прежними представлениями осуществляться демократическая легитимная политика. И только когда государство сохраняло монополию на легальное применение насилия, ограничивая в этом отношении другие акторы, и устанавливало свое господство на основе конституционных норм, можно было говорить о демократически легитимированном государстве.

В ситуации же “фрагментации” авторитета и суверенных полномочий государства происходит процесс становления “многоуровневой идентичности”, связанной, в том числе, с субнациональным и наднациональным уровнями и зачастую не ограниченной определенными пространственными рамками, в той или иной степени адекватности воспринимаемый гражданами. Новые социальные движения, в свою очередь, также изменяют общеполитический контекст, опираясь на такие формы идентичности, как пол, этничность или региональное самосознание.

Однако вместо конца эры территориальных государств вышеописанные изменения ведут к возникновению новых форм многослойной дипломатии и многоуровневого управления, нуждающихся в современных формах соединения, координации и представительства. Протекающие сегодня процессы способствуют интернационализации политики на всех уровнях, вынуждая институты управления реагировать на возрастающее внутреннее и внешнее социальное, экономическое и политическое давление. Вместе с тем насущной становится проблема уравнивания возросшего влияния институтов исполнительной власти, выходящего за рамки их традиционных границ, за счет расширения гражданского участия в разных его формах [Vasiliache, 2009].

Сама политика при этом активно регионализируется. Формирование новых экономических структур происходит по преимуществу на региональном и местном уровнях. Возникают новые социальные движения с регионалистскими и локально ориентированными установками [Keating, 1998]. Политический процесс во многих случаях также приобретает локальное измерение, когда региональные партии идут на сознательное дистанцирование от общенациональных [Швейцер, 2006].

Излишне широкий диапазон политико-организационных форм на местном уровне приводит к тому, что процесс “организовывания” становится важнее самих организационных форм, а процесс проектирования – важнее самой структурной перспективы. С точки зрения формального подхода, в современных условиях происходит невероятное смешение публичного и приватного действий, что заметно усложняет содержание публичной политики [Bogeson, 2000]. При этом остается немало вопросов о перспективах формирующегося политического порядка. Существует ли у политических субъектов реальный выбор форм и способов политического действия в ситуации, в которой партиципативная система правления как форма не прямой демократии остается преобладающей легитимной институциональной формой демократии? И решает ли проблему “демократического дефицита” увеличение масштабов участия и

прямой демократии, даже если прогресс в этой области весьма медленный? Наконец, как скажется на судьбе и перспективах политического порядка процесс европейской интеграции?

При этом происходящие глубокие контекстуальные изменения и кризис традиционных моделей демократии привлекают внимание к самой идее сетевой демократии. Последняя вносит свой вклад в демократизацию публичного управления, политическое управление и политику развития, и прежде всего в решение проблемы “демократического дефицита”. В итоге в Европе в контексте дискуссии о необходимости “оживления” демократии одной из ключевых проблем становится увеличение масштаба использования сетей в публичном управлении и как следствие – вопрос о формах демократического контроля и расширении гражданского участия в сетевых структурах и взаимоотношениях. Участники многих дискуссий отмечают, что общество, организуемое вокруг сетей, должно получить соответствующее отражение в теории и практике демократии. Для этого необходима система относительно стабильных неиерархических взаимоотношений независимых автономных акторов, разделяющих общие интересы в публичной политике.

Экстраполируя сетевой подход на современные социальные процессы, М. Кастельс определяет современный ему социум как “сетевое общество”, в котором главный принцип организации базируется на “логике сетей” [Castells, 1996]. Последнее очевидно в рамках глобальной информационной сети, но также проявляется в других сферах жизни общества, включая и политику [Klijn, 2003]. Сети, вовлекая акторов из различных сфер жизни общества, активно используются при формировании публичной политики. Следуя этой логике, современное государство, по мнению Кастельса, также может быть определено как сетевое в силу сложившейся в нем многоуровневой системы управления [Castells, 1999, p. 352]. Другие исследователи применяют это название к современным государствам, реализовавшим в практике публичной политики модели “управленческой взаимозависимости”, “переговорного порядка” и многообразных соглашений между публичными и частными акторами в разных областях деятельности [Weiss, 1999, p. 38]. Популярная сегодня концепция “ сетевого муниципалитета” отражает те же идеи, что реализуются на муниципальном уровне. Так, местные власти предоставляют разнообразные услуги в рамках партнерских отношений сетевого характера с государственными акторами, другими муниципалитетами, бизнес-структурами, местными ассоциациями, публичными корпорациями и венчурными компаниями [Haveri, 2003].

Современные масштабы распространения сетей в разных сферах деятельности убеждают: именно в сетевом пространстве способны зародиться новые формы демократии. Но где в таком случае находится пространство для реализации собственно сетевой демократии? Ответ на этот вопрос следует искать в изменениях политических институтов в рамках процесса европейской интеграции. Именно евроинтеграция в определенном контексте может рассматриваться как процесс формирования территориальных и межрегиональных форм сетевой демократии. И для подобных заключений есть серьезные основания.

Многие исследователи сегодня соглашались с тем, что европейская интеграция, начавшаяся с середины 1980-х гг., углубляет процесс институциональных изменений и укореняет принципы “демократической ответственной политики”. Намеченные качественные изменения в системе европейских институтов, как предполагалось, вели к долговременным изменениям в отношениях правящих структур различного уровня, стимулируя “демократизацию сверху”. В свою очередь, в политической науке шли дискуссии о том, следует ли рассматривать Европейский союз как совокупность межправительственных акторов, либо как политическую систему наднационального уровня, выступающую в качестве своеобразного “фундамента” для дальнейших изменений [Cohesion, 1996]. И речь идет не об изменчивой форме межгосударственного сотрудничества, но о некотором процессе “разгосударствления”.

С началом ревизии Маастрихтского договора снова возник вопрос об укреплении общеевропейских наднациональных структур, что привело к новым дискуссиям о месте и роли регионов в ЕС. В частности, для усиления общеевропейского “наднационального централизма” было решено внести в текст договора общепризнанный федеративный принцип субсидиарности, гарантировав более широкое участие регионов в обсуждении текущей европейской политики, и ввести указанные нормы в состав корпуса внутригосударственного права [Die deutschen... 1992]. Параллельно с этим проявилась обеспокоенность недостаточной близостью к гражданам “надгосударственных” европейских структур и присущему им “скрытому дефициту демократии”. В качестве альтернативы “бюрократической Европе” была предложена концепция “Европы регионов” [Borras-Alomar, Christiansen, Rodríguez-Pose, 1991; Keating, 1995]. Внутреннее содержание этого подхода располагалось между концепцией “федеративного порядка”, рассматривающего регионы в качестве ключевого элемента новой политической организации, и известной метафорой о “разрастающейся политической активности региональных акторов”. Признание возросшей политической роли расширяющих свою автономию субнациональных единиц способствовало утверждению стратегии внутригосударственной децентрализации, которая последовательно реализовывалась во всех сферах жизни европейских обществ и государств [Dix... 1982].

В свою очередь, дискуссия о возможном расширении роли регионов в европейской политике была поддержана и европейскими экспертными кругами [Die deutschen... 1986; Bundeslaender... 1988]. Через эмпирическую проработку проблемы “правового многообразия” и новых возможностей регионов в рамках деятельности государств-членов ЕС идея расширения региональных прав получила более солидные основания. Эти исследования во многом опирались на опыт федеративного устройства Германии, где сложились модель распределения полномочий между федерацией и землями, а также особый механизм консультаций между двумя основными уровнями государственного управления [Hilf... 1994; Morass, 1994; Morata, 1993]. Центральным пунктом подобных исследований стали изменения в региональной политике и реформа институтов ЕС с утверждением принципа “партнерства” при одновременном усилении самостоятельности регионов и их влияния на процесс общегосударственного управления [Poth-Moegele, 1993; Marks, 1996; Tommel, 1994; Staek, 1996]. Не меньшее внимание уделялось изучению лоббистской деятельности регионов на уровне ЕС [Zumschlinge, 1989; Mazey, Mitchell, 1993]. Также были изучены динамика институциональных изменений в процессе европейской интеграции и возможности конвергенции и преодоления существующих диспаритетов в отношениях между национальными и субнациональными политическими институтами. Прогнозировалось и будущее развития легитимных правительств в условиях изменяющегося политического окружения [Europaeische... 1996]. С последним вопросом неразрывно связано изучение другой ключевой проблемы – о шансах на формирование в результате евроинтеграционных процессов “третьего” межрегионального уровня управления [Die Politik... 1994, S. 10].

Между тем повышение роли регионов предопределялось объективными нуждами социально-экономического развития Европы. Так, идея “инновационной способности” регионов стала утверждаться в политической науке и практике в 1980–1990-е гг. В поисках успешных экономических стратегий, призванных обеспечить структурную перестройку экономик стран Европы, некоторые европейские эксперты выделяли особую формируемую регионами “социальную среду”, благоприятную для инноваций и инвестиций [Becattini, 1990; Garofoli, 1992] и подтвердившую, по их мнению, свою жизнеспособность концепцию “индустриальных округов” [Kilper, Rehfeld, 1991]. В итоге как ответ на возрастающую сложность социально-экономических проблем и проблем управления формировалось направление общеевропейской политики, призванное укреплять начала “кооперации и ответственности за себя”, а также концепцию “реформирования через регионализацию” [Kruse, 1990; Regionen... 1996].

Особенно актуальным стало рассмотрение политики поддержки регионов в ЕС как варианта успешной децентрализаторской и инновационной стратегии [Voelzkov, 1990]. Пристальное внимание при этом уделялось привлечению частных акторов, способных оказывать влияние на характер социально-политических отношений на разных территориальных уровнях [Sabel, 1987; The Embedded... 1993]. Эти подходы сказались не только на плановых документах, принятых правительствами европейских стран в отношении регионов, но также и на так называемой “Белой книге” специальной европейской комиссии, активно продвигавшей идеи децентрализации и “интерактивной организации” государственного управления [Komission... 1993].

В этой связи естественно возник вопрос о конкретных формах и “структурных” основаниях модели многоуровневого управления, поскольку прежний иерархический порядок, воспроизводившийся централизованными государствами, постепенно уходил в прошлое. Структурной основой и механизмом интеграции системы многоуровневого управления были признаны разнообразные сети горизонтального и вертикального характера, связывающие различные европейские регионы. И не случайно именно сети становятся ключевым понятием общеевропейской “политики развития” с начала 1990-х гг., когда они стали рассматриваться как наиболее применяемая форма организации в рамках публичного сектора, который заметно увеличивает производственную взаимозависимость акторов в процессе жизнедеятельности регионов. Публичный сектор признается все более зависимым от кооперации и мобилизации ресурсов, выводящих акторов из системы иерархического контроля [Boerzel, 1998, p. 260]. Это особенно заметно в области регионального и местного развития, где публичные власти, ответственные за территориальное развитие, побуждаются Европейской комиссией активно строить сети, альянсы, партнерства и “распределительные форумы” для извлечения максимальной выгоды из потенциала местного развития и внешних источников инвестиций и инноваций [Long, 2002; Hirst, 2000].

В то же время переустройство европейской конституционной системы в направлении признания регионов в качестве “третьего уровня” и постепенное превращение государств-членов ЕС в своеобразные “регионы” формирующейся “европейской федерации” не стало пока общепринятой политической идеей. В связи с различиями в конституционном устройстве стран-членов ЕС, где только 15 государств организованы в соответствии с федеративными принципами, идея межрегиональной солидарности и свободы политических отношений между акторами разного уровня в рамках единой децентрализованной Европы могла казаться “конституционной утопией” – желаемой, но не реализуемой на практике. Однако следование “сетевой модели” и “сетевой идеологии” в процессе европейской регионализации подтверждает, на мой взгляд, жизнеспособность модели “многомерного управления”. Примерами успешного использования политических сетей в формирующейся системе “сетевого управления” в рамках ЕС могут служить сети в сфере здравоохранения, региональные инновативные сети, городские сети развития и международные союзы местных властей [Unal, 1999].

Например, во французском регионе Рона-Альпы сложилась такая сетевая структура, как конференция мэров городов. В период первоначального объединения в начале 1980-х гг. мэры позиционировались как контрвласть, легитимирующая себя через цели, связанные с реструктуризацией экономики возглавляемых ими муниципалитетов. Результатом их деятельности стала разработка схемы совместного обустройства, которая “подтолкнула” мэров городов к дальнейшей институционализации их взаимоотношений [Jouve, Spelenhauer, Warin, 2001, p. 249]. Конференция мэров городов региона, подписавших учредительную хартию, представляет собой своеобразную сетевую структуру, отличающуюся от традиционных форм корпоративных объединений. Накопленный опыт и территориальная близость создают между вовлеченными в сеть акторами обмен, выходящий за рамки специализированных вопросов, и ансамбль общих задач. В результате сеть становится привилегированным местом взаимопомощи, обмена информацией и инновациями. Представители муниципалитетов способны

привлечь через сеть дополнительную поддержку и ресурсы, необходимые для отстаивания интересов представляемых ими территорий.

Таким образом, сетевой подход, использовавшийся в политических исследованиях и ранее, широко распространился после изучения европейской структурной политики и “политики развития” [Policy... 1987]. Его привлекательность базируется на исходных предпосылках, согласно которым политическое управление дифференцированными и весьма сложными объектами возможно только в процессе двустороннего взаимодействия. Объективный политический анализ тем временем приближается к тщательному исследованию политических сетей с точки зрения их участия в процессе формирования общеевропейской “общей воли” [Mayntz, 1993].

Вместе с признанием необходимости использования сетей в публичном управлении неизбежно возник вопрос о формах демократического контроля и расширении гражданского участия в сетевых структурах и взаимоотношениях. Ибо сети предполагают возникновение системы относительно стабильных неиерархических взаимоотношений независимых автономных акторов, разделяющих общие интересы по отношению к текущей повестке публичной политики. При этом для их эффективного функционирования необходимы особые условия: взаимопонимание участников сети, идентификация взаимозависимостей, эффективные механизмы коммуникации и создание ситуации “взаимного выигрыша” в результате сотрудничества [Bovaird, Loeffler, Parrado-Diez, 2002, p. 22]. Такие договоренности, как предполагается, способны стать надежным фундаментом “европейской сетевой демократии”.

В итоге на основе сетей формируется принципиально новая концепция публичного управления, альтернативная административно-иерархическому и рыночному типам. Теоретически социально-экономическая организация имеет три базовых измерения: иерархия, рынок и сети. Применительно к сфере управления эти измерения иногда дополняются четвертым – коммунитарным [Pierre, Peters, 2000]. Так, иерархия базируется на власти и правилах, что наглядно иллюстрирует бюрократическая организация. Рынок – это форма управления, отражающая конкурентные условия. Принимаемые решения базируются здесь на децентрализованной модели, в которой участвуют покупатели и продавцы определенных благ. Коммунитарное управление, в свою очередь, строится на консенсусном образе общности и позитивном вовлечении ее членов в систему коллективного действия [Pierre, Peters, 2000, p. 21]. В рамках же новой модели управления ответственность за осуществление публичной политики и предоставление публичных услуг государство делит с различными общностями, оперирующими на разных уровнях территориальной организации [Pierre, 2000, p. 4–5; Hirst, 2000, p. 13].

Новое публичное управление явно отличается от того, что традиционно отождествлялось с понятием “правительство”. Если правительство основывалось на принципах иерархии, то практика нового публичного управления основана на сотрудничестве, горизонтальном обмене и партнерстве. Поэтому “организационная логика” его действий так или иначе вращается вокруг сетей [Rhodes, 1997; Reddel, 2002; Behn, 2001].

Следует также подчеркнуть, что “новое публичное управление” стремится выйти за рамки устоявшихся инструментальных и менеджерских взглядов, будучи в большей степени ориентированным на процессуальное измерение и коммунитарные интересы [Bovaird, Loeffler, Parrado-Diez, 2002, p. 12–13]. Сети формируют модель сотрудничества, в рамках которой, как предполагается, акторы извлекают выгоду из объединения ресурсов и стремятся к достижению общих целей в рамках сетей [Thompson, 2003]. Сетевая модель, таким образом, дополняется коммунитарной моделью – формой управления, реализуемой в рамках малых общин. Идеальная форма коммунитарного управления – работа муниципального совета или коммунального парламента, где каждый ответственный член сообщества имеет право высказать свое мнение и участвовать в процессе принятия решений [Richard, 1999].

Модель управления, основанная на комбинации сетей и коммунитарных отношений, на мой взгляд, может служить эффективным противовесом “глобальному капитализму”. Неоднократно подчеркивалось, что действия в рамках сетей во многих случаях являются “капиталистическими”, ибо реализуют функцию по направлению публичных ресурсов в частный сектор [Collyer, 2003]. Это критическое замечание следует помнить, обсуждая политические сети и проблему их демократизации. Сети могут способствовать облегчению идеологического напряжения и достижению консенсуса, служа своеобразным фильтром между неолиберальной глобальной рыночной экономикой и повседневной жизнью в рамках территориальных сообществ. Но способствует ли распространение сетей утверждению демократии в той или иной ее форме? Попробую ответить на этот вопрос на примере “больших” европейских регионов.

“Большие регионы” как прообраз новой модели управления

Новая логика публичного управления тесно связана с глобальными тенденциями и процессами, проявляющимися в том числе и на региональном уровне. Новый политический порядок требует эффективности, адаптивности и “каталитической способности” от территориальных сообществ, и новые формы управления предлагают ответ на эти вызовы. В рамках возникающих “неиерархических” форм управления могут использоваться инструменты оптимизации деятельности “развивающихся территориальных сообществ”, которые будут способствовать повышению эффективности их экономического развития. Необходимый инновационный потенциал, по мнению исследователей, может оказаться не столько в структурах централизованного государства, сколько в рамках социальных сетей, неорганизованных групп, групп взаимного доверия, местных сетей, кооперативных сетей и групп взаимопомощи [Thompson, 2003, p. 39–40].

В этом контексте особого внимания заслуживает деятельность провинциальных и региональных правительств, которая может рассматриваться в рамках государственно-центричной перспективы. Этот подход подчеркивает однородность и целостность государств как политических акторов с подчиненным положением и сугубо “инструментальной” функцией регионов. Сама активность региональных акторов расценивается в этом случае как незначительное и “побочное” явление.

Противоположный подход берет за основу такие понятия, как “транснационализм” и “взаимозависимость”. Он обосновывается в работах Р. Кеона и Дж.С. Ная 1970–1980-х гг. по проблемам федерализма и международных отношений. Подчеркивая наличие в современных условиях раскола между внешней и внутренней политикой, эти авторы рассматривают стремление и возможности городов, общин и регионов по их выходу на международную сцену, на взаимодействие акторов разных государств, минуя границы [Keohane, Nye, 1973].

С появлением новых акторов в системе международных отношений развернулись дебаты о судьбе регионов в Европе. При этом в 1970-е гг. вопрос о самостоятельной роли регионов как политических игроков вообще не обсуждался. И лишь утверждение “транснационального подхода” и концепции “глобального гражданского общества” Е.-О. Цимпеля сделали объектом исследования федеерируемые целостности [Cziempel, 1991, S. 88].

На рубеже 1980–1990-х гг. развернулась масштабная политическая дискуссия о природе и перспективах территориальных единиц, приобретших относительную самостоятельность внутри определенных государств. Речь шла о территориальных образованиях, стремившихся к большей самостоятельности ради защиты своих экономических интересов. Именно там, где регионы не представляли собой единый подчиненный государству уровень управления, тезис о масштабных возможностях региональных сетей в деле воспроизводства “инновационного капитала” нашел наиболее полное подтверждение. У национальных правительств проявилось желание придать

подобным регионам профиль своеобразных “моторов развития”, призванных осуществлять функции развития как во внутригосударственном, так и в международном масштабе.

Признание новой роли регионов, в свою очередь, вело к активизации трансграничного сотрудничества и актуализации самого понятия “трансграничный регион”. Одним из первых определение “трансграничного региона” предложил еще в конце 70-х гг. XX в. швейцарский философ Д. Ружмон, основоположник концепции “Европы регионов”. Согласно его определению, трансграничный регион – “потенциальный регион”, единый с точки зрения географии, истории, экологии, этнических групп, экономических возможностей и т.д., но разбитый на части суверенитетом правительств, управляющих по обеим сторонам границы [Rougemont, 1978, p. 9].

Впервые в политической практике определение приграничного сотрудничества было дано в Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей, ст. 2 которой гласит: “Под приграничным сотрудничеством понимаются любые согласованные действия, направленные на усиление и поощрение отношений между соседними территориальными сообществами и властями, находящимися под юрисдикцией двух и более договаривающихся сторон, а также заключение любых соглашений и договоренностей, необходимых для достижения вышеуказанных целей” [Европейская... 1980]. В свою очередь, в одном из докладов Европейского парламента трансграничное сотрудничество определяется как “сотрудничество на внутренних и внешних границах ЕС, в котором регионы играют главную роль” [Committee... 1997, p. 12].

Как и процесс регионализации на национальном уровне, трансграничная регионализация также имеет два измерения, в настоящее время не отделимых друг от друга: это нисходящий и восходящий вид регионализации. Начало процесса трансграничного сотрудничества в рамках нынешнего Евросоюза можно отнести к самым ранним этапам его существования. В то время межгосударственное сотрудничество (трансграничная регионализация “снизу”) шло двумя параллельными путями, без анализа динамики и содержания которых невозможно выразить и понять суть современного трансграничного регионализма.

Как отмечают исследователи, в условиях европейской интеграции соседние регионы поверх государственных границ имеют более ярко выраженные интересы с близлежащими регионами соседних наций (государств). Северогерманские земли во многих областях имеют больше общих интересов с соседними территориями Дании, Южной Швеции и Северной Польши, чем с Баварией [Jann, 1993]. Рассматриваемые таким образом субнациональные целостности имеют особые специфические интересы, возникающие в процессе становления географических, экономических, культурных и политических различий как в рамках национальных государств, так и на международном уровне.

В итоге политика, направленная на консолидацию ресурсов через межрегиональные сети, одновременно осуществлялась как на региональном, так и на межрегиональном уровнях. Она способствовала включению регионов в “продуктивное сотрудничество” в таких областях, как экономика, политика и наука, причем главный побуждающий импульс исходил именно с мест. Это подталкивало включенные в процесс регионы активнее выстраивать в рамках своего пространства “региональные инновационные сети” [Hein, 1993].

К числу основных причин возникновения первых еврорегионов относят необходимость преодоления исторических барьеров, устранения разницы в уровне развития (проблему периферийности), вызванную барьерным эффектом государственных границ, а также необходимость разрешения проблем, связанных с большим количеством плохо управляемых инвестиций и “повседневного абсурда”, возникающего вследствие нескоординированных действий национальных правительств [Gabbé... 1999, p. 3].

В соответствии с актуальными рекомендациями Еврокомиссии современные приоритеты деятельности трансграничных регионов определяются сегодня следующим образом:

- усиление трансграничного сотрудничества на благо граждан (образование, культура, социальное сплочение);
- содействие сбалансированному пространственному развитию (экономическое развитие, технологическое ноу-хау, транспортная инфраструктура);
- создание положительного регионального имиджа (туризм, культурное разнообразие, окружающая среда) [Яровой, 2007, с. 152].

Исследователь трансграничных регионов Д. Скотт, утверждавший, что транснациональный регионализм вызван желанием развивать новые, более гибкие и эффективные формы коллективных действий, поддержания мирного сосуществования и экономического развития, убедительно показал существо раннего трансграничного сотрудничества [Scott, 1999]. Примечательно, что власти и многие исследователи указывают на демократичный характер функционирования еврорегионов и подчеркивают, что их образование – результат понимания, желания и воли населения к сотрудничеству. Каковы же современное состояние и перспективы трансграничного сотрудничества в Европе?

М. Перкманн, проводивший всесторонний обстоятельный анализ практики трансграничных регионов, пришел к выводу, что создание так называемых “еврорегионов” (EUREGIO) – одна из возможных моделей создания нового территориального уровня со своими особенными характеристиками, определенной автономностью от других территориальных уровней (как государственного, так и регионального) и даже политической легитимностью. Он выделяет три важных характеристики этого процесса: политическая мобилизация (с целью решения инфраструктурных и других экономических проблем), создание структур управления и стратегическое объединение.

Процесс создания управленческих структур еврорегиона, согласно выводам Перкманна, был изначально направлен на реализацию управления финансовыми ресурсами – региональными, национальными, наднациональными. Кроме того, любой еврорегион, и EUREGIO как один из них, представляет собой качественно новую модель управления, совмещающую в себе такие уже известные управленческие модели, как “многоуровневое управление” (*multilevel governance*) и “управление через политические сети” (*policy-network governance*) [Perkmann, Sum, 2003]. Ни одна из вышеназванных моделей не предполагает управление через институт правительства в общепринятом смысле. Однако, поскольку структура управления все же существует, ее принято определять как *governance*, подразумевая участие самых разнообразных акторов в процессе принятия решений. Таким образом, именно сети, на мой взгляд, стали основанием формирующегося механизма власти и управления в рамках европейских “трансграничных регионов”.

“Сетевая философия” весьма органично сочетается с идеологией “европейского регионализма” и практикой создания “трансграничных регионов”. Ибо сети – система тесных взаимосвязей между автономными акторами, которые объединяются на основе принципа взаимной выгоды с целью продвижения интересов каждого из вовлеченных акторов. Последнее предполагает одновременное восприятие акторами–участниками сети общих целей и правил, которые обеспечивают целостность сети.

Управление через самоорганизующиеся сети характеризуется рядом черт, которые уже сегодня проявляются в практике организации и деятельности трансграничных регионов:

- взаимозависимость (публичное управление касается внутрисекторальных отношений, в рамках которых акторы из публичного, делового и гражданского секторов работают вместе);
- интерактивность (акторы стремятся использовать навыки и ресурсы других акторов, договариваясь об общих целях, объективно нуждаясь в продолжительных коммуникации и интеракции с ними);

- взаимность (сети создают подобные игровым ситуациям отношения, которые базируются на доверии, взаимности и общепринятых правилах поведения);
- автономия (сети независимы от правительства и других публичных целостностей; крайняя форма власти в сетях – инициирование, убеждение и координация в отношении акторов, заменяющие традиционную власть “приказа”).

В итоге именно сети, нацеленные на обеспечение и реализацию политики развития в рамках территориальных сообществ, сегодня предстают как важный элемент системы местного и регионального управления [Saarelainen, 2003]. Благодаря сетям региональные и местные акторы могут интегрироваться в систему устойчивой кооперации для формирования относительно стабильных отношений сотрудничества. Подобная кооперация возможна в форме публичных корпораций или ассоциаций, чья деятельность может рассматриваться в качестве организованного сетевого управления.

Интернационально ориентированная развивающая активность местных и региональных правительств во многих случаях базируется на сетевых или подобных им соглашениях. Хороший пример подобной кооперации – деятельность так называемых “Четырех моторов Европы” – особой сети развития, объединяющей четыре высоко развитых европейских региона [Bogtas, 1993].

Трансграничные регионы, получающие всевозрастающий объем финансирования в рамках структурной политики ЕС, становятся ключевыми акторами новой системы трансграничного управления (*governance*), стимулируя возможности национальных государств объединять суверенитеты для интенсификации трансграничного сетевого экономического сотрудничества, передачи технологий, культурного сотрудничества и создания гибридных форм представительной демократии [Kramsch, 2004, p. 535]. Своей политикой ЕС формирует новую многоуровневую структуру политического влияния, стимулируя появление нового типа партнерства между различными видами территориальных сообществ [Bourne, 2003, p. 356].

Таким образом, “трансрегиональная модель” управления представляет собой альтернативу и “рыночной” модели управления, которую диктуют глобальные экономические акторы, и “иерархической” (ее внедряет евробюрократия, что приводит к кризисам, подобным, например, греческому). Опираясь на разветвленные сетевые механизмы, она интегрирует элементы этих трех систем, преодолевая “изоляция” системы коммунального управления, способствуя в перспективе гармонизации глобальных, общеевропейских и локальных интересов. Как показывает опыт трансграничных регионов, межрегиональные сети – не синоним “нового публичного менеджмента”. Последний предполагает активное применение приемов бизнес-менеджмента в рамках публичного сектора с очевидным акцентом на рыночные механизмы и “выбор потребителя” как главные средства осуществления “непрямого контроля” в публичной политике [McLaughlin, Osborne, Ferlie, 2002], что заметно отличается по сути от принципов коммунитаризма. “Новое публичное управление”, в свою очередь, предполагает концентрацию сетей вокруг идеи сотрудничества акторов, что отличает ее от рынка и иерархии.

Трансрегиональные сети, выстраиваемые в рамках “Больших регионов”, постепенно переходят от системы межправительственных контактов к связям по типу “политической общности”, интегрируя многообразные профессиональные, производственные и целевые сети. За счет своего “универсализма” и гибкости формирующиеся коммунитарные сети преодолевают недостатки отдельных видов сетей, задавая качественно иную логику евроинтеграции – альтернативы простому расширению полномочий формирующихся общеевропейских институтов (*bottom-up* вместо *top-down*). Однако сможет ли “трансрегионализм” стать действительной альтернативой “евробюрократизму”, подтвердив дееспособность модели “многоуровневого управления” и “многоуровневой идентичности”, покажет лишь ближайшее будущее. Не меньшее значение может иметь основанная на сетевых связях практика “трансграничного строительства” для определения стратегии и “структурных оснований” будущей “объединенной Европы”.

Сети и будущее объединенной Европы

Как полагает Кастельс, в современных европейских условиях процесс регионализации иссякает; новая модель – многослойные, многосетевые структуры, понять которые с использованием только стран как единиц торговли и конкуренции невозможно. По его мнению, в обозримой перспективе европейские страны не исчезнут, однако они вместе сформировали не просто торговый блок, но принципиально новую форму государства – сетевое государство с единой экономикой [Кастельс, 2000, с. 22].

В итоге складывается новое институциональное устройство, основа которого – публичная власть. Она по-прежнему коренится в конституции, в то время как общее число этих “конституций” увеличивается. Основанием публичной власти является правовая конструкция, но повседневная практика осуществления публичной власти все чаще выходит за рамки юридических предписаний. Осуществление публичной власти происходит в рамках фрагментированного институционального окружения, конфигурация которого может измениться с течением времени, уточняя конкретные формы осуществления политики, периодически вызывающие дискуссии. Продолжающаяся конкуренция интересов в обществе становится частью публичной власти, предоставляя ей легитимность и необходимые материальные ресурсы.

В свою очередь, “консолидация” трансграничных регионов, дополняющая процесс расширения компетенций регионов, означает возникновение новых каналов влияния “снизу”, идущих от частных акторов и публичных организаций и использующих публичную власть как часть процесса коллективного выбора. Местные организации и группы осуществляют давление с целью усиления влияния на вопросы, связанные с их повседневной жизнью. Новые формы “вертикальных” отношений с правительственными структурами ЕС дополняются различными формами трансграничной консолидации “по горизонтали”, позволяющей аккумулировать ресурсы регионов. Примером подобных изменений могут служить Скандинавские страны, эволюционирующие в сторону организационной фрагментации власти, где государство гарантирует местным “предпринимателям” контроль над местными проектами без излишнего государственного вмешательства.

Все вышеперечисленное – вызов для существующих публичных организаций, сталкивающихся с дифференциацией требований от граждан, с новыми формами взаимодействия как внутри, так и за рамками организаций, а в равной степени и вызов для менеджмента, который все чаще попадает в ситуации, когда власть становится результатом переговоров и даже может быть упразднена посредством внешних влияний.

В политической и государственно-правовой литературе, пытающейся толковать “европейский феномен” с позиций “государственного права” и “права народов”, сложился консенсус относительно того, чем в действительности не является ЕС:

- ЕС не есть “государство” и “сверхгосударство”, отбросившее права государств-членов, а равно и не “союзное государство” с разделением компетенций;

- ЕС не “союз государств”, не международная организация и не “международный режим”, и таким образом, никакие формы межгосударственной кооперации не упраздняют суверенитет отдельных государств.

Эти теоретические и понятийные определения неоднократно повторялись в прошлом политологами, историками и юристами, сформировав особое самостоятельное “понятийно-смысловое пространство”. Заметным влиянием в конституционно-правовой литературе пользуется предложенная Х.-П. Ипсеном дефиниция ЕС как “вынужденного союза функциональной интеграции” [Ipsen, 1972]. Другие авторы рассматривали ЕС (в критическом отношении к теории Ипсена) в качестве “парагосударственной суперструктуры” [Oppermann, 1977] или “интеграционного союза” [Zuleeg, 1984].

Вместе с тем в конституционное право ЕС в связи с заключением Маастрихтского договора были введены новые определения. Договор трактует ЕС как “союз государствено организованных народов Европы”, в то время как не предполагается создание

государства “единым народом Европы”. Этот союз государств целым рядом особых черт отличается от союзного государства.

Политические исследования европейских процессов долгое время находились на “пересечении” конкурирующих неофункционалистских и интергouvernementалистских теорий интеграции [Caporaso, Keeler, 1995]. С их помощью было достаточно сложно классифицировать процесс интеграции и оценить его силу. Использование в исследованиях “теорий среднего уровня” позволило отразить сложившиеся в Европе формы политического господства. В рамках новых подходов сущность ЕС стала определяться по-другому:

- как сеть, “сетевая структура”, “сетевая форма организации”, “сетевая форма управления” или “сетевое государство” [Keohane, Hoffman, 1990; The Transformation... 1999; Ansell, 2000], которое отличается рядом характерных особенностей от национальных государств и не предполагает установления какого-либо единого центра принятия решений;

- как специфическая форма вертикального “политического сцепления” (переплетения) с характерными темпами соединения и расположения структур, связанных с процессом принятия решений [Scharpf, 1985; Grande, 1995]; это предполагает определение ЕС как “многоуровневой системы” или как “многоуровневой системы управления” [Grande, 2000; Hooghe, Marks, 2003; Benz, 2001];

- как “система согласования” [Puchala, 1971] либо как “консоциальное государство” [Schmidt, 2000], характерные черты которых – кооперация и консенсус между элитами.

Более актуально, на мой взгляд, было бы рассмотрение объединенной Европы как многослойной и многоуровневой реальности, основанной на сетях разного типа, сложившихся на разных уровнях “общевропейского пространства”.

Вовлечение регионов в европейскую политику, таким образом, ведет к формированию модели “многослойной европейской системы”, “третьим уровнем” которой естественным образом становятся регионы. ЕС развивается как преимущественно “сетевая система” управления, отчасти агрегирующая территориальные интересы и отчасти напрямую представляющая их на наднациональном уровне. Развитие процесса евроинтеграции до последнего времени протекало явно не в направлении “Европы регионов”, но скорее в направлении “Европы с регионами” [Leonardy, 1992]. Вовлечение региональных акторов в процесс европейской интеграции основывалось на том, что в процессе дальнейшего расширения Европы возникнут новые механизмы согласования региональных интересов и “новое пространство кооперативной политики”. Становление сетевых структур сделало возможным диалог о возможностях и цене европейской политики. Главные цели институциональных реформ, определенные на конференции в Маастрихте в 1992 г., – приближение управления к интересам граждан, его демократизация и повышение эффективности, – вводились в повседневную практику в ходе процесса институционального развития. Европейская политика стала полем деятельности для специализированных организаций, приглашающих публичных акторов поучаствовать в расширении “пространства отношений”, в рамках которых сетевые структуры выступают, в том числе, как инструмент публичного контроля и управления, способствуя демократизации европейского управления на всех уровнях.

С моей точки зрения, дальнейшее строительство еврорегионов, как и практика европейского строительства в целом, должны принимать во внимание **соотношение вертикально-административных и горизонтально-сетевых структур интеграции**, от которого зависит соотношение **административного ресурса** (условно консолидируемого в административном центре на уровне государств и наднациональных европейских органов и транслируемого на места) и **социального капитала** (консолидируемого в региональных горизонтальных сетях, артикулирующих интересы различных региональных и местных акторов публичного характера). Только это позволит преодолеть бюрократические дисбалансы и эффекты неуправляемости, реализовать принцип “единства в многообразии”, реализовать проект “Европы ста языков и ста

флагов". В свою очередь, развитие разнообразных форм межрегионального сотрудничества на основе горизонтальных сетей с высокой плотностью связей будет способствовать демократизации управления на всех трех официально признанных уровнях (общеевропейском, национальном и муниципальном), помогая гибкому согласованию интересов и гармоничному сосуществованию общеевропейской, национальной и региональной идентичностей. Все это позволит субъектам объединенной Европы реализовывать стратегии развития в разных областях, обеспечивая повышение общих социально-экономических и гуманитарных стандартов. На базе трансграничной кооперации будут формироваться новые межрегиональные институты публичного управления, опирающиеся на систему сетевых механизмов и выполняющие функции многообразной координации, воплощая в себе модель "soft power", идущую на смену "вертикально-иерархической" модели управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей от 21 мая 1980 г. // СДСЕ. № 106 (<http://conventions.coe.int>).
- Кастельс М.* Глобальный капитализм // Экономические стратегии. 2000. Май–июнь.
- Швейцер В.Я.* Региональные партии выходят на авансцену // Современная Европа. 2006. № 4.
- Яровой Г.О.* Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб., 2007.
- Ansell Ch.* The Networked Polity: Regional Development in Western Europe // Governance 13. 2000.
- Becattini G.* The Marshallian Industrial District as a Social-Economic Notion // Industrial District and Inter-Firm Cooperation in Italy. Geneva, 1990.
- Behn R.D.* Rethinking Democratic Accountability. Washington, 2001.
- Benz A.* Die moderne Staat. Grundlagen der politischen Analyse. München, 2001.
- Boerzel T.A.* Organizing Babylon – On the Different Conceptions of Policy Networks Society // Public Administration. 1998. Vol. 76. Issue 2. Summer.
- Bogeson P.* Public Policy and Local Governance. Institutions in Postmodern Society. Washington, 2000.
- Borras-Alomar S.* The "Four Motors of Europe" and its Promotion of R&D Linkages: beyond Geographical Continuity in International Agreements // Regional Politics and Policy. 1993. Bd. 3. No. 3.
- Borras-Alomar S., Christiansen T., Rodriguez-Pose A.* Towards an "Europe of the Regions". Visions and Reality from a Critical Perspective // Regional Politics & Policies. 1991. Vol. 4, 2.
- Bourne A.K.* Introduction the Domestic Politics of Regionalism and European Integration // Perspectives on European Politics and Society. 2003. Vol. 4. No. 3.
- Bovaird T., Loeffler E., Parrado-Diez S.* Developing Local Governance Network in Europe. Baden-Baden, 2002.
- Bundeslaender und Gemeinschaft.* Berlin, 1988.
- Caporaso J.A., Keeler J.T.S.* The European Union and Regional Integration Theory // The State of the European Union. Boulder, 1995. Vol. 3.
- Castells M.* The Information Age. Economy, Society and Culture. Vol. 1. The Rise of Network Society. Oxford, 1996.
- Castells M.* The Information Age. Economy, Society and Culture. Vol. 3. End of Millenium. Oxford, 1999.
- Cohesion Policy, the European Community and Subnational Government.* Oxford, 1996.
- Collyer F.M.* Theorizing Privatisation: Policy, Network Analysis and Class // Electronical Journal of Sociology. 2003 (http://www.sociology.org/content/vol7.3/01_collyer.html?PHPSESSID=fc73694bfce76f26e4).
- Committee on Regional Policy.* Report on Cross-Border and Inter-Regional Cooperation. A4-0161/97. April 23, 1997.
- Cziempel E.-O.* Weltpolitik im Umbruch, Das internationale System nach dem Ende des Ost-West-Konflikts. München, 1991.
- Dahl R.* On Democracy. New Haven, 2000.
- Die deutschen Ladender in Europa.* Baden-Baden, 1992.
- Die deutschen Ladender und Europaeischen Gemeinschaften.* Stuttgart–Baden-Baden, 1986.

- Dix ans de decentralisation en Europe. Bilan et perspectives. Paris, 1982.
- Europäische Integration. Opladen, 1996.
- The Embedded Firm. On the Socio-Economics of Industrial Networks. London–New York, 1993.
- Gabbe J., Malchus V.V., Mahnkopf K., Martinos H.* Institutional Aspects of Cross-Border Cooperation. Gronau, 1999.
- Garofoli G.* Les systemes de petites entreprises: un cas paradigmatischer de developpement endogene // Les regions qui gagnent. Districts et réseaux: les nouveaux paradigmes de la géographie économique. Paris, 1992.
- Grande E.* Forschungspolitik in der Politikverflechtung-Falle. Institutionelle Strukturen, Konfliktdimensionen und Verhandlungslogiken europäischer Forschungs- und Technologiepolitik // Politische Vierteljahresschrift 36. 1995.
- Grande E.* Multi-Level Governance: Institutionelle Besonderheiten und Funktionsbedingungen des europäischen Mehrebenensystems // Wie problemloesungsfähig ist die EU? Regieren im europäischen Mehrebenensystem. Baden-Baden, 2000.
- Hein W.* Die neue Weltordnung und das Ende des Nationalstaates // Nord-Süd-aktuell. No. 1. 1993.
- Held D.* Soziale Demokratie in Globalen Zeitalter. Frankfurt a. M., 2007.
- Hilf M., Stein T., Schweitzer M., Schindler D.* Europäische Union: Gefahr oder Chance fuer den Foederalismus in Deutschland, Oesterreich und der Schweiz? Berlin, 1994.
- Hirst P.* Democracy and Governance // Debating Governance. Authority, Steering and Democracy. Oxford, 2000.
- Hooghe L., Marks G.* Unravelling the Central State, but How? Types of Multi-Level Governance // American Political Science Review 97. 2003.
- Ipsen H.-P.* Europäische Gemeinschaftsrecht. Tübingen, 1972.
- Jann W.* Regieren in Netzwerk der Regionen – Das Beispiel Ostseeregion // Regieren ins 21. Jahrhundert – zwischen Globalisierung und Regionalisierung. Opladen, 1993.
- Jouve B., Spelenhauer V., Warin Ph.* La region, laboratoire politique. Une radioscopie de Rhône-Alpes. Paris, 2001.
- Keating M.* Europeanism and Regionalism // The European Union and Regions. Oxford, 1995.
- Keating M.* Le Monde pour Horizon: Quebec, Katalonien und Schottland in der internationalen Politik // Regionen in der Europäischen Union. Berlin, 1998.
- Keohane R.O.* Plurinational Democracy. Oxford, 2001.
- Keohane R.O.* Power and Governance in a Partially Globalised World. New York, 2002.
- Keohane R.O., Hoffman S.* Conclusion: Community Politics and Institutional Change // The Dynamics of European Integration. London, 1990.
- Keohane R.O., Nye J.S.* Transnational Relations and World Politics. Cambridge (Mass.), 1973.
- Kilper H., Rehfeld D.* Vom Konzept der Agglomerationsvorteile zum Industrial District. Gelsenkirchen, 1991.
- Klijn E.-H.* Networks and Governance: a Perspective on Public Policy and Public Administration // Governing Networks. Amsterdam, 2003.
- Kommission der Europäischen Gemeinschaften: Wachstum, Wettbewerbsfähigkeit, Beschäftigung. Herausforderungen der Gegenwart und Wege ins 21. Jahrhundert. Luxemburg, 1993.
- Kramsch O.* Introduction. Postnational Politics in the European Union // Geopolitics. 2004. Vol. 9. No. 3.
- Kruse H.* Reform durch Regionalisierung. Eine politische Antwort auf die Umstrukturierung der Wirtschaft. Frankfurt a. M.–New York, 1990.
- Leonardy U.* Federation and Ladender in German Foreign Relations: Power-Sharing in Treaty-Making and European Affairs // German Politics. 1992.
- Long M.* Beyond Traditional Boundaries Governement in the Information Age // Australian Journal of Public Administration. 61 (1). March 3–12, 2002.
- Marks G.* Politikmuster und Einflusslogik in der Strukturpolitik // Europäische Integration. Opladen, 1996.
- Mayntz R.* Policy-Netzwerke und die Logik von Verhandlungssystemen // Policy-Analyse. Kritik und Neuorientierung, PVS-Sonderheft 24. Opladen, 1993.
- Mazey S., Mitchell J.* Europe of the Regions? Territorial Interests and European Integration: the Scottish Experience // Lobbying in the European Community. Oxford, 1993.
- McLaughlin K., Osborne S. P., Ferlie E.* New Public Management. Current Trends and Future Prospects. London–New York, 2002.

- Morass M.* Regionale Interessen auf dem Weg in die Europäische Union. Wien, 1994.
- Morata F.* Regions and European Community. A Comparative Analysis of Four Spanish Regions // The Regions and the European Community. The Regional Response to the Single Market in the Underdeveloped Areas. London, 1993.
- Oppermann Th.* Die Europäische Gemeinschaft als parastaatliche Superstruktur // Hamburg, Deutschland, Europa. Tübingen, 1977.
- Perkmann M., Sum N.-L.* Scales, Discourses and Governance // Globalization, Regionalization and Cross-Border Regions. Houndsmills–New York, 2003.
- Pierre J.* Introduction: Understanding Governance // Debating Governance. Authority, Steering and Democracy. Oxford, 2000.
- Pierre J., Peters B.G.* Governance, Politics and the State. Houndsmills, 2000.
- Policy Networks: Empirical Evidence and Theoretical Considerations. Frankfurt a. M., 1987.
- Die Politik der Dritten Ebene. Regionen im Europa der Union. Baden-Baden, 1994.
- Poth-Moegel A.* Das Prinzip der "Partnerschaft" in der Strukturpolitik der Europäischen Gemeinschaft. Frankfurt a. M., 1993.
- Puchala D.J.* Of Blind Men, Elephants and International Integration // Journal of Common Market Studies 10. 1971.
- Reddel T.* Beyond Participation, Hierarchies, Management and Markets: New Governance and Place Policies // Australian Journal of Public Administration. 2002. Vol. 61. No. 1.
- Regionen in Europa. Die Institutionalisierung des Regionalausschusses. Baden-Baden, 1996. Bd. 1.
- Rhodes R.A.W.* Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability. Buckingham, 1997.
- Richard A.* L'émergence de systèmes d'acteurs régionaux // La revue de la CFDT. 1999. No. 22.
- Rougmont D. de.* L'avenir est notre affaire. Paris, 1978.
- Sabel Ch.F.* Regional Prosperities Compared: Massachusetts and Baden-Württemberg in the 1980s. Berlin, 1987.
- Scharpf F.W.* Die Politikverflechtung-Falle. Europäische Integration und deutscher Federalismus im Vergleich // Politische Vierteljahresschrift 26. 1985.
- Schmidt M.G.* Der konsoziative Staat. Hypothesen zur politischen Struktur und zum politischen Leistungsprofil der EU // Wie problemloesungsfähig ist die EU? Baden-Baden, 2000.
- Scott J.W.* European and North American Contexts for Cross-Border Regionalism // Regional Studies 33. 1999.
- Self P.* Government by the Market? The Politics of Public Choice. Houndsmills, 1994.
- Stæk N.* Die europäische Strukturfondsfoerderung in einem föderalen Staat – am Beispiel des Bundeslandes Niedersachsen // *Heinelt H.* Politiknetzwerke und europäische Strukturfondsfoerderung. Ein Vergleich zwischen EU-Mitgliedstaaten. Opladen, 1996.
- Thompson G.F.* Between Hierarchies and Markets. Oxford, 2003.
- Tommel I.* Staatliche Regulierung und europäische Integration Die Regionalpolitik der EG und ihre Implementierung in Italien. Baden-Baden, 1994.
- The Transformation of Governance in the European Union. London, 1999.
- Unal M.* Mission d'évaluation de la procédure réseaux de villes. Paris, 1999.
- Vasiliache A.* Verlierer oder Gewinner? Der Staat in Zeiten der Globalisierung // Welttrends. 2009. No. 64.
- Voelzkov H.* Mehr Technik in die Region. Neue Ansaetze zur regionalen Technikfoerderung in Nordrhein-Westfalen. Wiesbaden, 1990.
- Weiss L.* The Myth of the Powerless State. Governing the Economy in a Global Era. Cambridge, 1999.
- Zuleeg M.* Die Europäische Gemeinschaft als Integrationsverband // Einigkeit und Recht und Freiheit. Köln, 1984.
- Zumschlinge K.* Die Informationsbueros der Bundeslaender in Brussel // Die Verwaltung. 1989.